

Для цитирования: Кожевникова, М. Н. Парадигма «человека взрослого» / М. Н. Кожевникова // Социум и власть. — 2025. — Т. 22. — № 1. — С. 46–65. — DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-46-65. — EDN RGMZAW.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

БАК 5.7.8

УДК 141.319.8

EDN RGMZAW

DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-46-65

ПАРАДИГМА «ЧЕЛОВЕКА ВЗРОСЛОГО»

Кожевникова Маргарита Николаевна,

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского,

доцент кафедры философии,

кандидат философских наук,

Санкт-Петербург, Россия

ORCID 0000-0002-9093-4936

SPIN 4358-8611

E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье изложены результаты исследования, имевшего своей целью выработку философско-антропологической концепции, определяющей идеал «человека взрослого». Логика исследования включила проблематизацию самого понятия «человека взрослого», с уточнением его значения и очерчиванием границ его смыслового поля, при этом произведено различение проблемы антропологического модуса зрелости, или «человека взрослого», то есть способа бытия и состояния человека, противопоставляемого не детству, но способам бытия и состояниям незрелости, проявляющимся у взрослых, и проблематики философии и психологии

возраста.

Анализ модусов зрелости и незрелости в исследовании опирается преимущественно на феноменологический и диалектический подходы, первый из которых

применен для обнаружения и анализа значимых для исследования проблемы феноменов человеческого бытия и включил, в частности, дескрипцию и анализ человеческой повседневности и социально-феноменологический метод, а второй позволил исследовать противоречивую, подвижную природу человека и развитие состояния «человека взрослого».

Научной новизной в работе отличаются прежде всего выработанные автором основания исследования: комплексная антропологическая концепция, с утверждением «слоистости» опыта человека, способного интегрировать в себе бытийную множественность человека, и философская концепция субъектности; а также сама концепция антропологических модусов зрелости и незрелости. В результате исследования модус зрелости определен как полное выявление сущностных характеристик в каждом из слоев человеческого опыта, а также способности действия относительно *другого/Других* (функционирования в отношении мира), вследствие развития, реализующего развертывание человеческой субъектности.

Ключевые слова:

слоистость опыта, антропологический модус зрелости, философия субъектности, самообман, проекция, проект, жизненные смыслы, ответственность

Статья поступила: 06.01.2025

Рецензии получены: 28.02.2025

Принята к публикации: 10.03.2025

Права: © Кожевникова М. Н. (2025).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Проблема «человека взрослого», ее значение и исследования

Значимость проблемы «человека взрослого» и личностной зрелости как особенной и культурно-обусловленной характеристики способа бытия и состояния человека была обозначена уже Кантом. В своей статье о Просвещении он определил следующие характеристики того, что можно назвать цивилизационной парадигмой, на его взгляд, требующей развития: это «выход человека из состояния несовершеннолетия, виновником которого является он сам» [10], и связал эти задачи с образованием. В этом значении состояние «человека взрослого» оказывается образцом (греч.: парадигма) и центром цивилизационной, культурной парадигм и соответственной парадигмы образования. Именно в таком значении понятие «парадигма» используется в представленном исследовании (а не в значении ее как историко-научной категории, утвержденном Т. Куном).

Со времени Канта эта проблема сделалась не менее, но еще более актуальной, поскольку возросла необходимость в культивировании зрелости не только отдельного человека, но и человека как вида, когда возросла цена незрелости взрослых за инфантильные, безответственные решения и действия. Также о связи инфантильных проявлений человека с воцарением массового общества писали еще Х. Ортега-и-Гассет, который сравнивал «массового человека» с ребёнком избалованным и неблагодарным [20], и Й. Хёйзинга в его размышлениях о феномене «ребячества» — «пуэрилизма» как внушающего опасение и характерного для наступающей эпохи, что засвидетельствовали и современные авторы [44; 46; 47]. Характеристики личностной незрелости появляются в связи с анализом массового общества и у российских ученых [5; 17; 22].

Возвращаясь к Канту, заметим, что в соответствии со своей эпохой и в русле собственной философской концепции

он предложил понимание «человека взрослого» с точки зрения человеческой рациональности — как наделенного способностью «пользоваться своим рассудком без чьего-либо руководства» [10].

Вместе с тем, хотя философ и обсуждал «состояние совершеннолетия» как состояние человеческой рациональности, он сам поднял темы, выходящие за ее рамки, такие как решимость, мужество, леность, трусость, чувство удобства, желание защищенности, чувствуемая опасность самостоятельности, приятность состояния несовершеннолетия, «кандалы постоянного несовершеннолетия», оглушение и «присвоение другими себе права быть опекунами» в масштабах общества, состояние «толпы», «любезный верховный надзор опекунов толпы», покорность, дух свободы народа и гражданские свободы, достоинство и т. д.

Этот очерченный круг феноменов и характеристик требует выхода за рамки проблем рациональности, а сегодня постановка проблемы и поиск новых определений «человека взрослого» требует также соответствия современным знаниям о человеке и обществе, с одной стороны, и современным вызовам мира, с другой стороны.

Проблема взрослого состояния, актуальная с древности, трансформировалась в представлениях в истории ментальности. В формирование понятия зрелости внесли вклад Платон, Аристотель, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, А. Гелен, Е. Финк, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ф. Арьес, Й. Хёйзинга, М. Элиаде, Дж. Холлис и многие другие. Российские ученые исследовали развитие темы зрелости в истории философии и культуры, в социальных науках (О. Ф. Николенко, Е. Н. Мухранова, С. А. Смирнов, С. А. Лишаев, С. Н. Савков, О. П. Кашина, Н. Ю. Игнатова), в философии возраста (М. Н. Эпштейн, Е. В. Косилова, К. С. Пигров, А. К. Секацкий, С. А. Лишаев), в частности, в темпоральных и экзистенциальных аспектах (В. И. Красиков, С. А. Лишаев).

Уточнение проблемы и основания ее исследования

Если разбираться, что такое детское и взрослое состояния человека, согласно пониманию сознания повседневности, то возраст как позиция в обществе определяется ассоцированностью с определенными социальными институтами и практиками: школой, университетом, гражданством, участием в выборах, армией, браком. Граница взрослого возраста и переход этой границы, совершаемый ребенком (подростком), получили отражение в феномене инициации [35], сохраняющем значение, по мнению ученых, для современного человека и сегодня в психологических практиках [32] и в образовании [8].

В психологии и философии возраста вопрос о взрослом состоянии решается в рамках возрастной периодизации, в которой на первом, наиболее высоком уровне обобщения выделяют периоды «взрослости» и «детства» [15]. Современные психологи определяют периоды жизни, то есть психологический и социальный возраст в связи с развитием психических новообразований: способностей, структур, механизмов; социальных взаимодействий и форм отношений; ведущего типа и сферы активности, деятельности. На основе таких критериев развития построены различные классификации возрастов, например, известная концепция 8 стадий развития личности в психологии возраста Э. Эриксона [37].

Благодаря ряду исторических исследований повседневности Ф. Арьеса [4], а также Н. Дэвис, Ж. Л. Фландрен, Э. Ле Руа Ладюри и др., были обнаружены изменения представлений о возрастах жизни, в частности, детстве, в истории ментальности со времен древности до наших дней и соответствующие им изменения в социальных практиках.

В целом, в обществе по юридическим и экономическим параметрам взрослость определяется критерием самостоятельности. По мысли Э. Фромма, подтверждающей общепринятые

представления естественного сознания, основное различие между взрослым и ребенком следующее: «Взрослый может опереться на собственные силы, сам о себе заботиться, отвечать за себя и даже за других, в то время как ребенок на все это еще не способен» [30, с. 459]. Также взрослость определяется по социальным, психологическим параметрам, в особенности, соотношением с младшими поколениями, само появление которых «выталкивает» человека в возрастную группу «старших», «больших», «взрослых».

Однако в современном западном мире в последние десятилетия появление детей перестает быть определяющим фактором взрослости, зрелости и старости. Также сегодняшняя быстрая дисквалификация знаний и необходимость постоянного профессионального совершенствования ведет к перманентному образовательному процессу, превращает взрослого человека в ученика и помещает, желает он того или нет, в положение символической молодости, меняя традиционные отношения между поколениями [26]. Происходящие трансформации ученые определяют как сдвиг возрастных границ и объясняют старением среднего возраста населения, относительно которого встает вопрос об образовании, требуемом для человека за рамками профессии («для жизни»), и образовании, которое помогает человеку жить на склоне лет. Русло предлагаемых ответов, по их мнению, лежит в сферах ценностей и смыслов, целей и способов самореализации [43].

В русле этих изменений налицо симптомы инфантилизации современного человечества: это разрастающаяся индустрия игр и сказок для взрослых; мода на хайтековские игрушки и технические аксессуары, характерные для подростковой субкультуры. Социальные психологи отмечали инфантилизм у 70 % взрослых россиян; а в исследователи возрастной психологии отметили, что желание побыстрее вырасти стало не доминирующим у подростков, а подчиненным чувством:

на первое место вышло переживание детского счастья [14]. Зафиксировано, что в США со своими родителями живут 18 миллионов 20–34-летних, то есть 38 % всех одиноких молодых взрослых, а в Японии 70 % одиноких работающих женщин в возрасте 30–35 лет. В ряде стран мира до 46 % молодых взрослых возвращаются домой после некоторого периода жизни отдельно, что получило особое обозначение у социологов: «*детти-бумеранги*» [39]. Со времен К. Юнга, называвшего человечество начала XX века «безмерно разросшимся и раздувшимся детским садом» [38], минуло около восьми десятилетий, но, по мнению социальных психологов, ситуация только усугубилась. В рамках синдрома инфантилизации появился и особый феномен, обозначенный неологизмом «кидалт» (kidult — kid: ребенок + adult: взрослый, буквально именно: взрослые люди-дети), — по сути, это взрослые, уподобляющиеся детям [27].

С учетом возросшей сегодня сложности в установлении возрастных границ и изменений характеристик возрастных групп может быть особо перспективной постановка вопроса о взрослом состоянии и личностной зрелости. Также и для естественного сознания, для которого «возраст» и «зрелость» зачастую объединяются, они начинают различаться в переломные моменты жизни человека и общества, что оказывается все более важным при подходе к проблемам в мире и поиске их решений в новых условиях современного информационного общества, с его новыми возможностями и новыми ограничениями [23].

В подходе к определению взрослого состояния или зрелости философы с древних времен ассоциировали его с разумностью, мудростью. Мы видим это определение в текстах мыслителей буддийской традиции. Также в текстах Платона и Аристотеля взрослое состояние понимается как развитие разума и разумности, рассудительности, проявляющееся в способности к самообузданию ради добродетели. Словами Платона, «существо не рождается на

свет, обладая всем тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых летах. Пока это живое существо не приобрело еще свойственной ему разумности, оно неистовствует и кричит что-то несвязное» [21]. Платон приравнивал к детям и «столь же безрассудных взрослых» и отмечал как присущие детям удовольствие и страдание в качестве основных сил, производящих добродетель и порок, поскольку дети «не могут воздерживаться от удовольствий» [Там же]. Аристотель развил мысли Платона о детском уме и отмечал связь понятий «распущенность», «влечение» и «дитя». Он уточнял, что характеристики детского ума приложимы также ко взрослым и заявлял: «Неважно, впрочем, годами ли молод человек, или он юноша нравом» [3].

Уже отмечалась выше трактовка «человека взрослого» с точки зрения человеческой рациональности И. Кантом. По формулировке Г.В.Ф. Гегеля, для «зрелого возраста» характерна «серьезная мудрость», при которой человек пребывает «равнодушным к единичности — к удовольствию и потреблению так же, как и к действительной деятельности, — думает и заботится только о всеобщем». Или иначе: «У взрослого и становящегося образованным человека, уходящего при этом назад в себя как в мыслящего появляется рефлексия о всеобщем» [6, с. 495].

По убеждению А. Гелена, «взрослое состояние» надо объяснять в свете принципа дисциплины. Последний также надо осмыслить в связи с поднятой проблемой удовольствия, не-серьезности, не-мудрости и конкретных, единичных представлений как незрелости и серьезности, мудрости, рефлексии о всеобщем как незрелости. Для Гелена принцип дисциплины — это воплощение основной характеристики человека, определенного им как «действующего существа и, тем самым, существа дисциплины» [7, с. 164]. Поэтому «вся система взрослого характера есть дисциплинарная система, она основывается на подлежащем созданию равновесии подчинений, контролируемых

допущений, окончательного отклонения и контроля одних побуждений со стороны других. Эта дисциплинарная система закладывается в воспитании. <...> Без этого была бы невозможна жизнь в сообществе и упорядоченная деятельность» [7, с. 196].

Э. Фромм произвел уточнение определения с точки зрения желаний и чувств, связывая «зрелость» с разумом (не рассудком) как способностью «достичь объективности, то есть способности видеть мир, природу, других людей и самого себя такими, каковы они есть, а не искаженно, через желания и страхи». Он утверждал: «Чем больше человек развивает эту объективность, чем больше он вступает в контакт с действительностью, тем более зрелым он становится, тем больше у него возможностей построить гуманный мир, в котором он будет чувствовать себя дома» [30, с. 480]. И это, по его пониманию «значит преодолевать узкие рамки своего собственного «я»» [29, с. 138–139], что согласуется с трактовкой Гегеля зрелости как перехода человека от ограниченной позиции себя как единичного к горизонту всеобщего.

С владением эмоциями, чувствами и отношениями связывал зрелость М. Мамардашвили. Он замечал: «У нас нет мыслительной традиции, чтобы отдавать себе отчет в своих состояниях, чтобы ясно помыслить: что же я чувствую? почему я ненавижу? почему страдаю? А когда мы неясно это понимаем, то изобретаем себе воображаемых врагов. Словом, злоба во многом идет от инфантилизма» [16, с. 69].

В рассмотрении разных подходов к обсуждаемой проблеме делается понятным, что для ее уточнения необходимо вывести ее за рамки возрастной психологии и философии возраста. Требуется отличить взрослое состояние сознания от собственно возрастной характеристики как способ бытия и состояния человека, противопоставляемый не детству, но способам бытия и состояниям незрелости, проявляющимся у взрослых, то есть понимать его как антропологический модус зрелости.

При таком уточнении встают вопросы о ключевых феноменах, свойственных замеченному и анализируемому Кантом и другими в масштабе отдельно взятого человека и человека в обществе неподлинно взрослому состоянию человека («несовершеннолетнему» взрослому) и подлинно взрослому состоянию человека («совершеннолетнему» взрослому).

И далее, надо признать следующий факт: то, что окажется в центре рассмотрения при ответе на эти вопросы, и последующие ответы зависят от антропологических позиций, принимаемых за основания, то есть от самих трактовок феномена человека, в рамках которых понимание модуса зрелости может либо идентифицироваться с рациональностью, либо выходить за ее границы.

В предпринятом автором исследовании в качестве таких оснований была выработана комплексная антропологическая концепция, исходящая из понимания феномена человека как опыта бытия человеком и обнаруживающая «слоистость» опыта человеческого бытия [13], то есть сложное единство слоев, охватывающее слои: «*порядка*», который обнаруживает общность всего сущего [13, с. 50–80]; «*живого*» [13, с. 82–112], в котором выявлено единство опыта человека со всякой жизнью; «*живого существа*» [13, с. 114–160], который определяет в целом опыт животных; и, наконец, «*человека-в-особенности*» — феноменов, специфичных для человека. [13, с. 162–224]

Надо отметить, что рассмотрение феномена человека в ряду уровней бытия в рамках разных картин мира укоренено в истории философии человека, начиная с древних греков, включая Платона и Аристотеля, затем в религиозной философии средневековья, в эпоху Возрождения и в Новое время, в частности, у Г. Лейбница, И. Фихте, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, М. Шелера, Н. Гартмана, Х. Плеснера, А. Гелена и других. Это рассмотрение исходило из вопроса, который эксплицировал Шелер: «Каково

место человека во Вселенной?», и подразумевало концепт «развития в природе» по ступеням, по которым природа «карабкалась» от камня к растению и далее к человеку, с его собственным — культурным миром. Эти онтологические уровни (Stufen) были осмыслены как таковые и получили обозначение «слоев» (Schichten) в онтологии *реального мира* Н. Гартмана [45], в рамках его «новой онтологии», по сути, новой метафизики, согласованной с научным знанием [41].

Идея онтологических уровней или слоев, получившая разработку у ряда авторов прошлого, продолжает привлекать внимание современных исследований, исходящих из того, что реальность организована в слои, основные из которых: материальный, психологический, социальный организованы слоями низшего порядка (например, физическим и химическим слоями материального слоя; интенциональным и эмоциональным слоями психологического слоя и т.д.). По мысли ученых, при развитии такой онтологической концепции, требующей дальнейшей детальной категоризации, для каждого типа объекта может быть определена схема, которая координирует и синтезирует допустимые его описания [42].

Применительно к пониманию человека, идея иерархических уровней бытия обосновывала выводы о бытии человека, отличном от бытия вещей, организмов, животных, и концепт «царя природы». Следствием этого в истории мысли стал антропоцентризм, ответственный за цивилизационные тенденции господствующего отношения человечества к природе и разрушительного воздействия на нее.

В свете всего сказанного делается ясным иное значение выявляемых автором статьи «слоев», — это не онтологические слои, но слои внутри опыта человека, выделяемые в феноменологическом усмотрении. Также уточню, что первый — фундаментальный слой порядка не может подразумевать и корреляции с материальным онтологическим слоем, поскольку относится ко

всем феноменам без исключения как взятым безразлично к их содержанию, в самой их феноменальности — явленности в опыте. В их содержании и соответствии представлениям естественно-го сознания это будут и материальные «вещи», и нематериальные воображаемые «образы» и мыслимые «логические схемы». Но во всех случаях их явленность в опыте (феноменальность) обнаруживается как наличие порядка.

Анализ выявленных в исследовании слоев опыта и их единства основывается на диалектике самотождественности (*самого*) и инаковости (*другого*) [13], а также выработанной автором концепции субъектности [13], служащей дескрипции опыта *живого* и его анализу.

В соответствии с этой концепцией «субъектность» понимается как такая самотождественность, которая есть изменение и которая во взаимодействии с *другим*/Другими являет собственное направление изменения и характеризуется направленностью на развертывание, исходя из свернутого противоречия самотождественности и инаковости.

Модусы зрелости и незрелости

Проанализировав концепт «зрелость», как он существует в сознании повседневности и в исследованиях, выделю несколько основных аспектов, позволяющих определить модус зрелости.

Первый — это зрелость в аспекте характеристик, или природы. Мы видим что-то «зрелым», поскольку оно наделено всеми «присущими ему» характеристиками, то есть «зрелость» — это полностью выявленная природа данной вещи («зрелые плоды», «созревший сыр», «зрелое вино») или данного существа. Этот аспект соотносим с отмеченным у Аристотеля в исследовании причин «окончательным становлением», в качестве примера которого он рассматривал взрослого [2, с.297].

Во втором аспекте естественное сознание понимает «зрелость» как проявленную способность *действия*: если способность имела в потенциале (в

семени, в ростке), то теперь проявилась как функционирование. Этот аспект был отражен Аристотелем в утверждениях о «действительности», «деле», «деятельности», «осуществленности». Он писал: «По сущности действительность первее возможности, прежде всего потому, что последующее по становлению первее по форме и сущности (например, взрослый мужчина первее ребенка)» [2, с.297].

Оба эти аспекта связаны: и для естественного сознания, и в концепции Аристотеля. Понятно, что «природа» воспринимается в созерцании, пассивно, а «функционирование» воспринимается активно, во взаимодействии. И добавлю для уточнения еще два аспекта, признаваемые людьми, которые подразумеваются в уже названных двух.

Так как «зрелость» — это полнота характеристик, полностью выявленная природа, то она подразумевает полно реализованные возможности, «вершину», акме человека. И второе: зрелость» понимается обычно как функционирование в отношении мира, то есть «что человек несет в мир», «отдает миру», и еще точнее — в отношении детей и тех, кто несамостоятельны. Именно подобные действия оказывается для естественного сознания «проверочными», удостоверяющими наличие зрелости — состояние «подлинного взрослого».

Возвращаясь теперь к пониманию «человека» в свете комплексной антропологической концепции и концепции субъектности, отметим в целом, что модус зрелости или подлинно взрослое состояние означает полное выявление сущностных характеристик в каждом из слоев человеческого опыта, а также способности действия относительно *другого/Других* (функционирования в отношении мира), в результате развития, реализующего развертывание человеческой субъектности. Рассмотрим, какое проявление отмеченные аспекты «зрелости» имеют в каждом из слоев опыта.

1. В слое порядка — это состояние выстроенного и утвержденного порядка, с более высокой из возможных для

конкретного человека степеней сложности, отвечающее ожиданиям такого порядка относительно «человека» в общем и данного человека в конкретности. Этому соответствует предложенный М. Н. Эпштейном критерий в его фрактальной возрастной теории, позволяющий «собрать» воедино множество «фракталов возрастов» в «общую направленность человеческой жизни», смысл которой «определяется в нелинейной динамике как повышающийся уровень ее порядка [36]. Кроме того, это «функционирование», выявляющее в отношениях с *другим* способность «справляться» во взаимодействиях со средой: физическим, идеальным, социальным миром.

2. В слое опыта *живого* это наиболее полное проявление сущностной характеристики *живого* — субъектности, с развертыванием через *другого/Других*, и такими феноменами *живого*, как «воление», «отражение». А также это проявленная в отношениях с *другим* способность *действий*, воплощающих направленность субъектности, основные из которых здесь — «питание» во всех формах (в целом, всякое захватывание и использование *другого* для своего существования и роста) и «размножение».

3. В слое *живого существа* это полное проявление «открытой субъектности» и связанные с ней: переживание самотождественности; освоенная область желаний («счастья удовольствия»); владение эмоциями; базовое свойство понимания субъектности *Других*. В функционировании это развитая способность человека взаимодействовать с *Другими*, включая основные для этого слоя опыта области борьбы, манипуляций и отношений.

4. В слое опыта *человека-в-особенности* это во всей полноте выявленные человеческое мышление, способности самовыражения, самопреодоления и «вмещающей субъектности», включающей все ее три уровня: общий интерес, любовь и заботу.

Относительно модуса незрелости обратимся сначала к рассмотрению ха-

рактических незрелого, инфантильного сознания.

Эта тема была знаковой для индийской, в особенности буддийской традиции, и мы видим в текстах термин «дети» (пали, санскр.: *bāla*), служивший для обозначения носителей обыденного сознания, характеризуемого глупостью-инфантильностью, то есть инфантильными моделями мышления, — это «несмышлениши», «люди-дети». Высветленные аспекты их состояния таковы: возбужденные; ситуативно целеориентированные; реактивно реагирующие; имеющие ограниченные эгоистичные интересы; самоуверенные; наивные; не знающие удовлетворения и сильно зависящие от внешних стимулов; ленивые; имеющие проблемы понимания (непонимание, в целом, порядка вещей, законов бытия — Дхармы) и отношения к знанию; не-видение связи причин и результатов в своем поведении и наивные эмоции в связи с этим («Пока зло не созреет, ... считает его подобным меду. Когда же зло созреет, тогда <...> предается гory»); ограниченность мышления, исходящего из понятия «моего»¹.

Эти обсуждаемые характеристики заметно совпадают с рядом известных свойств детской, инфантильной и личностно незрелой психики: в *познании* (по исследованиям Л.С. Выготского, его школы и поздней советской психологии, Ж. Пиаже, А. Валлона, Х. Вернера и др.) это эгоцентризм, непреодоленный «реализм» мышления, неразвитость объективности, релятивности и реципрокности; не критичность, внушаемость; при взаимодействии со средой — диффузность, ригидность [19]; в *мотивации* — нестойкое произвольное внимание; безынициативность; подвластность воздействиям, искушениям и собственным аффективным импульсам; неспособность ориентироваться на отдаленные во времени блага и горести, поэтому отсутствие отдаленных интересов; недостаточность идеалов, ответственности, нравственного самосознания и вытеснение

их стремлениями к удовольствию; в *эмоциях* — чрезмерная возбудимость, эмоциональная неустойчивость, неразвитая эмоциональная саморегуляция; в *поведении и деятельности* — неразвитость самоконтроля и самообладания; слабovolьные и примитивные реакции на внешние впечатления и импульсивные, реактивные действия в ответ на воздействия, минуя высшую сферу личности; неумение преодолевать препятствия, противостоять искушениям и воздействиям; инертность, ригидность, склонность к стереотипизации всех форм деятельности [19].

В трактовке В. Франкла, фрейдовский принцип удовольствия является ведущим принципом поведения маленького ребенка, адлеровский принцип могущества определяет мотивацию подростка, а стремление к смыслу является ведущим принципом поведения зрелой личности взрослого человека [28].

Рассматривая в свете субъектно-антропологической концепции то, что в психологической науке относительно отмеченных выше характеристик называют задержкой развития, мы придем к объяснению этого задержкой человека в своем развитии на уровнях, которые составляют начальные, более простые и глубокие слои опыта, и задержкой на начальных этапах, проходящих субъектностью человека в ее развертывании.

1. В слое порядка это доминирующее статичное состояние (взгляд на себя как на определенный порядок), которое проявляется как ригидность и как лень (тяготение к равновесию со средой).

2. В слое живого человеческая субъектность первичного (организмического) уровня предрасположена воспринимать *другое* — всё, с чем взаимодействует, как среду и обращать в среду, со стороны которой человек ожидает либо питания, либо помех, требующих устранения. Таковы механизмы потребительского и реактивного поведения, особенно заметные у детей и *людей-детей*.

¹ Из Дхаммапады (III. 17), цит. по [33].

3) В слое *живого существа* доминирует субъектность, исходящая из устремления к «счастью», с ее готовностью воспринимать *другое* — среду (и других как социальные предметы и среду) за предмет удовольствия или неудовольствия, что порождает определяющую существование детей и *людей-детей* обширную сферу желаний. Это доминирование объясняет их слабование, порабощенность внешними стимулами, эмоциональную возбудимость и неустойчивость, ориентированность на «двоичную систему» со знаками плюс или минус относительно желания. Утверждение же самоидентичности, в силу субъектности этого уровня, объясняет эгоцентризм незрелого человека, борьбу субъектностей и манипулятивные отношения с Другими (либо в свою пользу, либо в пользу Других).

4. В слое опыта *человека-в-особенности*, в силу рефлексии, незрелые люди, пробуя «посмотреть на себя», сначала берут себя за предмет как *определенное* и отстаивают опредмеченную субъектность как позицию (например, в социальных играх статусных и прочих ролей).

Несмотря на обобщение ряда характеристик детей и неподлинно взрослых, понимать их положение дел одинаковым значит не различать существа поднятой проблемы незрелости. Очевидно, что свойства детей, коррелирующие с начальным уровнем развития и жизненного опыта, как таковые, то есть как психические структуры не могут иметь места у взрослых. Например, природную наивность детей, связанную с недостатком сложного и многообразного опыта, у незрелых взрослых сменяет самообман — состояние ума, которое совмещает «как бы знание» и «незнание» о действительности, дающее способность жить, закрывая глаза на нежеланные, трудные для принятия вещи, будь то положение дел в обществе или природе.

Помимо самообмана, проявляются и другие принципиальные особенности, охватываемые метафорой «хищного ребенка», отображающей живучесть и губительную власть инфантильного на-

чала в человеке [11, с. 56–62]. «Хищный ребенок» — несамостоятельное существо в человеке, расположенное к паразитированию, которое использует все средства, чтобы сохранить себя неизменным и выбирает соответствующие стратегии. «Хищный ребенок» хочет, чтобы менялось все вокруг под него: обстоятельства, Другие, но только не он сам. По существу, на его уничтожение, на изменение человека во взрослого направлен в практиках инициации этап смерти, выражающий символическую смерть детской зависимости как необходимую [8].

Обозначенные черты незрелого человека включены и в профиль массового человека, очерченный Х. Ортега-и-Гассетом [20], а также Й. Хейзингой, Г. Лебоном, З. Фрейдом.

Анализ ключевых феноменов модусов незрелости и зрелости

В состоянии неподлинно взрослых на месте детского эгоцентризма и детской природной наивности утверждается самообман как ядро модуса незрелости, в котором выявляется дуализм «Я» и субъектности [12].

С этой же проблемой связаны и другие феномены модуса незрелости, в особенности, лежащие в сферах переживания, желания, устремления к счастью и экстазирующей потребности достижения *другого*, которая отыскивает свои пути в повседневности. В опыте человека выявляются две возможности путей экстазирования — устремления изнутри вовне, из себя в мир, воплощающего главное присущее субъектности направление — к «бросанию вперед», по-латыни *projectio*: «*проекция*» и «*проект*». Оба относятся к взаимодействию с *другим*, но представляют разные, противоположные по результатам. У неподлинно взрослых реализация этой потребности порождает феномен ошибочного отождествления «Я» и *другого/Других*, который может быть описан концептом «*проекции*».

В целом, когда переживание (содержащее в себе *другое*) обнаруживается

для субъектности, оно как схваченное оказывается *определенным* и делается ее *другим* — предметом и таким образом «экраном», в соотношении с которым человек учится распознавать свою сторону субъектности. Но *люди-дети*, подвигаемые своим образом «Я» — тем, что берется за *определенное*, получают «Я» в качестве «экрана» и проецируют «Я» на вещи и других людей — вместо *другого/ Других* видят «Я». И в так сконструированном «отзеркаливающем» отражении субъектности от «Я» *псевдо-другого* (версии того же Я, а не *другого*) они не признают своей роли субъекта и таким образом своей ответственности и тоже переносят ее на *другое/Других*.

Проекция своей роли субъекта на *другое*, *Других*, охватываемая в психологии концептом «внешний локус контроля», порождает в случае *людей-детей* ряд проблем, самые острые из которых — ситуации конфликта: в их психологическом анализе выявляется, что человек проецирует на *другое* или *Другого* свою злость, порожденную болью, обидой. Это случай «ресентимента», (фр. Ressentiment — негодование, озлобление, злопамятность, буквально — перепрочувствование), который был обнаружен Ф.Ницше в качестве движущей силы «восстания рабов» и основы их морали [18] и исследован М.Шелером, выделившим в понятии два значения: интенсивного эмоционального переживания («эмоция погружается в центр личности» и хранится, не выплеснутая в выражении и действии, а только перепрочувствуемая); и негативного отношения, посылы враждебности [34, с.10].

По мысли Ницше, ресентимент — следствие «торможения и сдерживания непосредственно возникающего ответного импульса»; «вытесненная ненависть, месть бессильного» [18, с.14]. Можно объяснить этот механизм как возникающий в связи с самообманом. Но в трактовках Ницше и Шелера видится чрезмерное обобщение и абсолютизация феномена ресентимента как объясняющего культуру, цивилизацию современного мира, при кото-

ром ресентимент понимается ими как связанный в целом с самосознанием и рефлексией. В рамках разрабатываемой субъектностной антропологической концепции, в противоположность этим трактовкам, «отражение» как общий феномен, присущий живому, и «рефлексия» как особенный человеческий способ отражения объясняются не феноменом ресентимента, но сущностным для всего живого феноменом субъектности. В свете этого понимания окажется ясным различие человеческой рефлексии в целом, производимой как отражение субъектности от ее «*другого*», и ресентимента, производимого как отражение «Я» *людей-детей* в их замкнутом мире проекции.

Так, существенная особенность ресентимента и состоит в том, что его проблематика определяется «Я», по каким-то причинам не способным подлинно взаимодействовать с *другим*. И сам Ницше, хотя и не осмыслил этот момент в его фундаментальном значении, отмечал: «Мораль рабов с самого начала говорит Нет «внешнему», «иному», «несобственному»» [18, с.10].

В замкнутом мире *проекции* неподлинно взрослых, в котором отражение «Я» неподлинно взрослых производится как «отзеркаливающее» от *псевдо-другого*, экран *проекции* обретает свои особенные сегодняшние характеристики в связи со сферами виртуальной реальности Интернета и коммуникаций социальных сетей, с особой, присущей им ментальностью [9] и образует особое пространство *псевдодругого*, способствуя росту феноменов искушения и манипуляции в «век соблазна», характеризующегося машинами желания в качестве базисной производительной силы постиндустриального общества [25]. Сравнительно с архетипом искушения в разных культурах и его трактовками мыслителями Востока, России и Запада, феномен искушения получает дополнительные перспективы понимания как составляющая опыта человека в модусе незрелости. В анализе феномена искушения и связанного с ним и продолжающего его манипулирова-

ния мы обнаруживаем, что «Я» играет главную роль в их происхождении, в отличие от мифа о соблазненном «невинном человеке», и что понять их процессы можно в русле проблематики самообмана. Результаты этих процессов, ведущих к отчуждению человека от своей субъектности, следует описать как превращения субъектности, достигающие стадий «псевдосубъектности» (мнимой субъектности, поскольку субъект становится той «флейтой», на которой играет вынесенное вовне его желание, вернувшееся извне как *определенное* и вобравшее волю Другого) и «антисубъектности» (утраты человеком самой перспективы субъектности; отказа от развертывания *неопределенного* в себе, что есть субъектности; сдачи своих позиций субъекта).

В свою очередь, подлинно Взрослый делается способен на подлинное экстазирование, «бросание вперед», *projectio* — «*проект*». Редкие в жизни случаи «экстаза», когда людям удается достичь *другого* и *Других* и пережить в их беспредельности, известны сознанию повседневности как моменты праздника, прозрения, любви и трактуются как прорыв из обыденности. Но, помимо быстротечных моментов, существуют и ведущие к ним пути, производящие «состояния» и «события», осуществляющие, в отличие от несвободы «рутины», собственную волю и подлинность человека.

Понимание феномена «*проекта*», введенное Хайдеггером, относилось к «*проекту* себя». Он лишь вскользь упоминал творимые людьми «*проекты*» в связи с феноменом «толков», замечая, что двусмысленность публичной истолкованности ведет к тому, что «на осуществлении и действии» ставится «печать запоздалости и иррелевантности», и «у людей ... понимание присутствия постоянно *обознается* в своих *проектах* относительно аутентичных возможностей бытия». А в значимом для бытия смысле феномен *проекта* получил у Хайдеггера следующую трактовку: «Присутствие не потому само основание своего бытия, что основание воз-

никает впервые из его *проекта*, но как бытие-самости оно есть *бытие* основания. Последнее есть всегда лишь основание сущего, чье бытие имеет принять на себя бытие-основанием. Присутствие есть свое основание экзистирова, т.е. так, что оно понимает себя из возможностей» [31].

Развитие этой трактовки мы видим и у Сартра в контексте его концепции существования с Другими: «Это мое бытие есть как бы указание на то, что я обязан отвоевать и обосновать в качестве моего собственного основания. Но это невозможно себе представить иначе, как путем присвоения мною себе свободы другого. Выходит, мой *проект* отвоевания самого себя есть по существу *проект* поглощения другого» [24, с. С. 208].

Понятие антропологического модуса зрелости оказывается связанным с ключевым концептом «*проекта*», понимаемом в субъектно-ориентированной трактовке последнего как подлинного экстазирования человека в продвижении к *другому*/Другим. Феномен *проекта* получает объяснение, исходя из трех измерений: *внутреннего* — сферы мышления; *связи внутреннего и внешнего*, обнаруженной в сфере смысла, и *внешнего* — сферы деятельности.

Сравнительно с трактовками феномена «*проекта*», данными М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром как «*проекта* себя», Дж. Дьюи [40] — как движения от «исследующего мышления» к «исследовательской деятельности», Х. Арендт [1] — как деятельности, овеещающей идею, предложенная интерпретация концепта *проекта* как экстазирования к *другому*/Другим в развертывании субъектности охватывает разные составляющие этого ключевого феномена модуса зрелости.

Проект в сфере мышления охватывает характеристики «человека взрослого» в способности постижения *другого*/Других, а также дисциплинирование ума относительно *содержания, состояний* ума и его *моделей и способов обращения*.

В мышлении как сфере, в которой *проект* начинается и состоится «вну-

три», чтобы осуществиться «вовне» — в событиях, отношениях, деятельности, уже здесь существуют риски перехода этого движения, начатого как *проект*, в *проекцию*.

Имея в виду существенное требование к мышлению подлинно взрослого как *проекту* — достижение в итоге *другого*/ Других и трактовку мышления в терминах «отражений» субъектности относительно *другого*, необходимы следующие черты мышления как *проекта*.

1. *Другое* должно быть постигнуто человеком как предмет отражения, то есть как именно *другое* субъектности (в первом отражении), как переживаемое *другое* (во втором отражении) и как мыслительно опредмеченное *другое* (в третьем отражении). Это постижение определяет мыслительную зрелость как противоположную наивности детей и самообману *людей-детей*, которые полагают, что феномены, представляющие им, — это «просто такие вещи/ люди», и не обнаруживают, что в предстоящем как в отражении есть и *другое*, и сторона *самого* человека.

2. На следующем уровне постижения человеком *другого*, чтобы мышление состоялось как *проект*, даже если *другое* видится достигнутым, человеку требуется учитывать и *другое-в-другом*. В противоположность наивному и квази-наивному мышлению *людей-детей*, принимающему феномены за полностью самотождественные, необусловленные, неизменные и не имеющие внутренних противоречий, зрелый ум понимает и учитывает, что феномены (вещи, люди) никогда не равны самим себе.

3. Мышление о Других состоится как *проект*, то есть достигает Других, когда оно в дополнение к названному, включает учет взаимоотношений самого человека с другими людьми, в чем состоит особенность собственно человеческого мышления как реляционистского — мышления отношений и «человеческого друг-с-другом-мышления» (в терминах М. Бубера).

Анализируя, каким именно образом человек проводит *проект* в мышлении

и достигает зрелости мышления, мы признаем ряд особенных мыслительных действий, требуемых для мышления-*проекта*. Их совершение видится как задачи, для которых человек упорядочивает (согласно фундаментальной потребности в порядке), и направляет (согласно сущностной потребности субъектности) свою мыследеятельность, что надо обозначить как «дисциплина» и «самодисциплинирование» ума.

Понятия, относящиеся к самодисциплинированию ума, существовали исторически в терминах разных языков и культур. Например, были известны с древности в религиозно-философских системах Индии, Тибета и во всем широко буддийском культурном регионе, это санскр.: *vaiyāvṛtti*, тиб.: *nyams len* — буквально: «взятие в ум, в духовный опыт», санскр.: *бхавана*, тиб.: *sgom* — буквально: «привыкание, освоение, созерцательная тренировка. Суть такой практики — именно управление ментальными процессами, то есть дисциплинирование ума. В европейской культуре также, начиная с античного мира, известны соответствующие термины, это греч.: *ασκησις*, лат. *ascetica* — аскетическая тренировка. Прежде всего, ее представляли упражнения стоиков, сегодня популяризованные движением «современного стоицизма», являющие мысленное освоение важнейших позиций и тем — таких, как власть над умом; природа добра и зла; трудности; гнев («временное безумие») и другие эмоции и пр. В терминах христианской культуры аскеза — это «подвиг», «подвижничество», а в христианской традиции исихазма (греч.: *ἡσυχασμός* — состояние покоя, молчания) «подвижничество» охватывает ряд понятий, объединенных термином *φίλοκαλία* — «добротолюбие»: упражнений, «внутренних деланий», способствующих к утверждению в добре. Они включают способы направления ума относительно его религиозного и нравственного содержания, дисциплинирование психических состояний, и культивирование способов обращения ума с самим

собой. Примеры из разных традиций предоставляют версии дисциплинирования человеком собственного ума, относящиеся к разным проблемным полям, среди которых можно выделить уровни содержания ума, а также уровни его состояний, его моделей и способов обращения с собой, и критерии дисциплинирования, которые в анализе соответствуют понятиям выше характеристикам и являют достижение *другого/Другого*, соответствующее *проекту*.

Для анализа *проекта* в сфере смысла оказывается значимым концепт *жизненных смыслов*, и в его свете экстазирование «Я» к *другому/Другим* обнаруживается в поле пересечения эстетического (чувственного) и этического.

Проект (экстазирование) в сфере деятельности требует интерпретации как *события*, как *творения* и как *судьбы* человека, при необходимости различить темпоральные особенности этих трех ипостасей. А деятельность, осмысляемая как «*проект-для-Других*», «*проект-для-мира*», должна быть определена как идеал взрослого поведения, который проясняется в концепте «миссии» как предельного случая *проекта*.

Анализируя проявления модусов незрелости и зрелости в сфере отношений человека с обществом, мы замечаем, что они зависят от развития способности человека к признанию Другого как такового и представлений человека о Других. Этим проявлениям соответствуют два типа отношений: безличная подстройка к социуму (ложная социальность) и личностная общность с Другими (подлинная социальность) [11, с. 87–108]. При этом социальности «человека взрослого» присуща способность противостоять (выстаивать и сопротивляться) и солидарность (которую требуется отличать от безличностного коммунизма), могущая быть понятой как в рационалистской, так и в иррационалистской версиях [11, с. 70–79, с. 187–193]. Зрелая же модель общественного мышления проявляет диалектический характер, исходя из нормы инаковости на основе возможностей общественного

единства в условиях различий, соответствующее выражение таковой мы можем увидеть в формулировках политической концепции агонистической демократии [48].

Исходя из анализа проявлений модусов незрелости и зрелости, делается понятным, что суть взрослого состояния раскрывается на стадиях развития отношений человека с Другими в возникновении ответственности. В общем, ответственность известна сознанию повседневно как социальный критерий взрослости, поэтому можно понять, что в процессе личностного роста ответственность должна развиваться как центральный стержень мотивации, отношений, деятельности, поведения подлинного взрослого. В обществе полноценными взрослыми считают тех, кого признают ответственными за собственные действия, в качестве таковых они преследуются законом, если нарушают его. В этом значении ответа за свои действия (человека перед Другими) ответственность и получила философское осмысление и оказалась связана с понятиями долга, вины, наказания виновного, а также морального качества действия, ценностей и свободы воли. Об ответственности говорят, исходя из существенно различающихся оснований, прежде всего, привлечения к ответственности извне, это вмененная ответственность.

Если попробовать проанализировать структуру феномена ответственности, станет понятным, что такие трактовки исходят из точки «ответа» (англ.: responsibility, фр.: responsabilite, болг., хорват.: odgovornost; нем.: Verantwortung) как наиболее значимой в его структуре: эта точка представляет завершающую фазу в развитии ответственности и подразумевает соотношение человека с вопрошающим. Будь это реальная или воображаемая инстанция, требующая отчета ей человека о своем совершенном действии, она в любом случае воплощает собой ожидания, ценности, нормы. И в любом случае это «инстанция» — даже если, как в экзистенциализме, она — само бытие и проявляется посредством зова совести [31].

Но обратим внимание на то, что в отношениях с кем-то феномен «ответственности» проявляется уже в завершение действия и в качестве ответа, завершающего действие, вводит его в сферу отношений.

Однако, помимо этого, обнаруживается еще иная возможность понимания феномена ответственности. Социальное содержание ответственности должно быть дополнено и ситуацией человека с собой как Другим, — это диалог с собой, самонаблюдение, самоконтроль. И также своя смерть может представляться человеку адресатом ответственности — предельной инстанцией *другого*, или себя Другого (себя в будущий последний момент жизни на границе небытия), который предъявляет спрос. Предстояние в ответственности перед смертью как инстанцией означает, что смерть не только предел, но и зеркало, в котором человек рассматривает себя, свои поступки, свою жизнь.

В этой ситуации человека с собой рассмотрение феномена ответственности требует учета включенности в действие, и с этой точки зрения, анализа структуры ответственности. Первой фазой этой включенности для человека будет распознавание предмета (объекта восприятия, познания) в причинно-следственной связности с ним и принятие: «Я и этот объект находимся в связи». В этом смысле, позиция и мысль «ответственности за себя» для человека означает распознавание себя как живущего и действующего (иначе — свою субъектность в ее опыте и движении) в связи со своими совершенными делами, поскольку он сам (субъект действия) — их причина, и с тем опытом, который ему предстоит пережить, поскольку он сам (субъект опыта) — их следствие. А позиция и мысль «ответственности за своего ребенка» означает распознавание себя как имеющего причинно-следственную связь с ним. Ответственность человека за себя возникает в силу признания собственной субъектности. Ответственность за Других возникает в силу вмещающей субъектности человека.

Таким образом, ответственность возникает, потому что человек перестает видеть предмет как случайный, внешний, не связанный с ним, от которого хотелось бы и можно было бы уклониться, но в осознании связи совершает *принятие* его как предмета своей ответственности, то есть ответственность — это, по существу, и есть само признание связи как основание для дальнейшей активности.

Так, феномен ответственности, понимаемый как обнаруживаемая в фазе включенности человека в причинно-следственную цепь событий и в действие и составляющий признание человеком собственной субъектности и осознание связи в контексте действия с *другим*/Другими как предметом своей ответственности, сущностно характеризует модус зрелости.

При этом, в содержании понятия ответственности открывается диалектическое единство понятий независимости и зависимости: независимости человека, то есть его активности и признаваемой им своей роли субъекта, и зависимости, которая признается человеком как собственная включенности в сеть взаимосвязанности вещей в мире.

Заключение

Исходя из достигнутых пониманий выводами для цивилизационной, культурной и образовательной сфер оказывается парадигма (образец) человека взрослого, подразумевающая необходимость становления человека и человечества в модусе зрелости в результате развития, реализующего развертывание человеческой субъектности при освоении *другого* и взаимодействий с Другими. В особенности, это означает утверждение гуманистической парадигмы, с уточнением ее как не-антропоцентристской, а антропосубъектной, с артикуляцией и главенством субъектного принципа и соответственным принятием в центр внимания принципа ответственности.

1. Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. — СПб: Алетейя, 2000. — 263 с.

2. Аристотель. *Метафизика* / Аристотель; сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. — СПб: Эльга, 2002. — 832 с.

3. Аристотель. *Никомахова этика* / Аристотель // *Философы Греции. Аристотель Книга третья 15 (XII)* — М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. — URL: http://www1.lib.ru/poeeast/aristotel/nikomah.txt_with-big-pictures.html

4. Арьес, Ф. *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке* / Ф. Арьес. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 416 с.

5. Бестаева, М. Р. Специфика «массового сознания» в современных условиях: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: дис. ... канд. филос. наук / Бестаева Манана Романовна; Пермский государственный педагогический университет. — Пермь, 2006. — 150 с. EDN NNVEYT.

6. Гегель, Г. В. Ф. *Феноменология духа* / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета. — М.: Наука, 2000. — 495 с.

7. Гелен, А. *О систематике антропологии* / А. Гелен // *Проблема человека в западной философии: Сб. пер. с англ., нем., фр.; / общ. ред. Ю. Н. Попова.* — М.: Прогресс, 1988. — С. 152-202.

8. Зими́на, И. С. Современный вариант инициации в процессе взросления подростков / И. С. Зими́на // *Педагогическое образование в России.* — 2010. — №2. — С.75-82. EDN MSUJAF.

9. Игнатов, М. А. Сетевая ментальность и нет-мышление в постиндустриальной культуре / М. А. Игнатов // *Вестник МГУКИ.* — 2018. — №5 (85). EDN YVFHNZ.

10. Кант, И. *Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?* / И. Кант // *Собрание сочинений: в 6 т.: т.6.* — М.: Мысль, 1966. — С. 25-35.

11. Кожевникова, М. Н. *Образование социума и социум образования. Гл. I.* / М. Н. Кожевникова // *Горизонты новой социальности в образовании* /

Колл. моногр. Отв. ред. М. Н. Кожевниковой. — СПб.: Изд-во РХГА, 2015. — С. 56-62.

12. Кожевникова, М. Н. *Феномен самообмана и проблемы человеческой зрелости* / М. Н. Кожевникова // *Человек.* — 2021. — № 4. — С. 132-148. DOI 10.31857/S023620070016691-7. EDN QVMMNH.

13. Кожевникова, М. Н. *Опыт человека. (К осмыслению образования человека).* Научная монография / М. Н. Кожевникова. СПб.: — Изд. РХГА, 2022. — 228 с.

14. Левинсон, А. *Счастлирое детство* / А. Левинсон // *Неприкосновенный запас.* — 2008. — № 58. — С. 142-144.

15. Лишаев, С.А. *Детство в философии возраста* / С.А. Лишаев // *Вестник Самарской гуманитарной академии.* — 2016. — № 1. — С.73-83. EDN WVOYOT.

16. Мамардашвили, М. К. *Как я понимаю философию* / М. К. Мамардашвили. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с. EDN SSWZKV.

17. Николенко, О. Ф. *Идея ценности зрелой личности в европейской культуре: специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры»:* дис. ... канд. филос. наук: / Николенко Оксана Федоровна; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону, 2007. — 154 с. EDN NOXUXV.

18. Ницше, Ф. *К генеалогии морали* / Ф. Ницше // *Сочинения: в 2 т.* — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 407-524.

19. Обухова, Л. Ф. *Детская (возрастная) психология* / Л.Ф. Обухова. — М.: Российское педагогическое агентство, 1996. — 372 с.

20. Ортега-и-Гассет, Х. *Восстание масс* / Х. Ортега-и-Гассет // *Вопросы философии.* — 1989. — № 3. — С. 119-123.

21. Платон. *Законы. Гл.2* // Платон. Труды. —https://www.phantastike.com/philosophy/sobranie_sochineniy/html/ (дата обращения: 06.01.2025).

22. Погорельчик, А. В. *Человек-масса: Социально-философский портрет XX века: специальность 09.00.11 «Социальная философия»:* дис. ... канд. филос. наук / Погорельчик Анастасия Вяче-

славовна; Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2004. — 143 с. EDN NMWRHD.

23. Пушкарев, Е. А. Политико-правовые тенденции развития информационного общества в XXI веке / Е. А. Пушкарев // *Философия права*. — 2024. — № 2 (109). — С. 34–40. EDN NVAQJD.

24. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр; пер. с фр. — М.: Республика, 2000. — 639 с.

25. Стоян, А. А. Роль «машин желаний» в обществе массового человека / А. А. Стоян // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. — 2018. — №1. — 61–67. EDN YWLWXN.

26. Сю, Р. Активное общество и новые обычаи времени / Р. Сю // *Ключи от XXI века: сб. статей*. — М.: ООН по вопросам образования, науки и культуры, Бюро ЮНЕСКО. 2004. — С. 247–251.

27. Темнова, Л. В. Кидалтинг как социальный феномен / Л. В. Темнова, Е. И. Тезина // *Теория и практика общественного развития*. — 2018. — №12. DOI 10.24158/tpor.2018.12.4. EDN YQPCQP.

28. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Прогресс, 1990. — 366 с. ISBN 5-01-001606-0. EDN YQCMMA.

29. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2009. — 284 с.

30. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. — М.: ООО «Издательство АСТ ЛТД», 1998. — 662 с.

31. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с. — https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php

32. Холлис, Дж. Под тенью Сатурна. Мужские психические травмы и их исцеление / Дж. Холлис. — М.: Когито-Центр, 2009. — 183 с.

33. Цонкапа, Ч. Большое руководство к этапам пути Пробуждения: в 5 т. / Ч. Цонкапа. — СПб, 1997. — Том 3: Этап духовного развития высшей личности. — 342 с.

34. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. — СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. — 230 с.

35. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. — М.: Университетская книга, 1999. — 356 с.

36. Эпштейн, М. Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов / М. Эпштейн // *Бюллетень сибирской медицины*. — 2006. — № 5. — С. 48–57. EDN RDWTIZ.

37. Эриксон, Э. Полный цикл жизни / Э. Эриксон, Дж. Эриксон. — СПб: Питер, 2024. — 159 с.

38. Юнг, К. Г. О становлении личности: доклад, прочитанный под названием «Die Stimme des Innern» в Культурном союзе (Вена, ноябрь 1932 г.) / К. Г. Юнг // *Собрание сочинений: пер. с нем. Т. Ребеко*. — М.: Канон, 1995. — С. 185–208.

39. Ярская-Смирнова, Е. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна / Е. Ярская-Смирнова, Г. Карпова, М. Ворона // *Неприкосновенный запас*. — 2008. — № 6 (62).

40. Dewey, J. *How we think: A restatement of the relation of reflective thinking to the educative process* / J. Dewey. — Lexington, MA: D.C. Heath, 1933. — 301 p.

41. Dziadkowiec, J. (2011) The Layered Structure of the World in N. Hartmann's Ontology and a Processual View/ J. Dziadkowiec // Poli, R., and C. Scognamiglio and F. Tremblay (eds.) *The Philosophy of Nicolai Hartmann*, Berlin: De Gruyter. 2011. — Pp. 95–123. DOI 10.1515/9783110254181.95.

42. Gnoli, C. and Poli, R. (2004) Levels of Reality and Levels of Representation/ C. Gnoli, R. Poli // *Knowledge Organization*, 2004, 21(3) — Pp. 151–160

43. Harriott, H.H. Old Age, Successful Ageing and the Problem of Significance / H.H. Harriott // *Ethical Perspectives*. — 2006. — Vol.13, №1. — P. 117–141. DOI 10.2143/EP.13.1.2011789.

44. Karabulatova, I., Barabash, O., Barabash, V., Vinogradova, N., Kulikov, S., Izbassarova, F. (2019). Homo Ludens in modern postmodern discourse: new possibilities of manipulation of public con-

sciousness. // *International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019, December)* Atlantis Press. — Pp. 54-57. DOI 10.2991/mplg-ia-19.2019.11. EDN RLZVNY.

45. Kleineberg, M. (2016) From Linearity to Co-Evolution: On the Architecture of Nicolai Hartmann's Levels of Reality/ M. Kleineberg // Peterson, K., R. Poli, (eds.) *New Research on the Philosophy of Nicolai Hartmann*, 2016, Berlin: De Gruyter. — Pp. 81–108. DOI 10.1515/9783110434378-006.

46. Larsen, Lasse Juel (2019). Play and gameful movies: the ludification of modern cinema // *Games and Culture* 14.5 (2019) — Pp. 455-477.

47. Morgan, W. J. (2018). Play, puerilism, and post-modernism. *Educational Philosophy and Theory*, 50(14), 1612–1613. DOI 10.1080/00131857.2018.1461405.

48. Mouffe, Ch. *Deliberative democracy or agonistic pluralism* / Ch. Mouffe // *Social Research*, Vol. 66, No. 3 (FaU 1999) — Pp. 745–758. EDN HAJNFP.

References

1. Arendt, H. (2000) *Vita activa, or On the Active Life*. Tr. from German and English by V. V. Bibikhin. St. Petersburg, Aletheia, 263 p.

2. Aristotle (2002) *Metaphysics*. Compiled and prepared by S. I. Ereemeev. St. Petersburg, Elga, 832 p.

3. Aristotle (1997) *Nicomachean Ethics*. In *Philosophers of Greece. Aristotle Book Three 15 (XII)*. Moscow, EKSMO-Press, available at: http://www1.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt_with-big-pictures.html (accessed 14.01.2025).

4. Aries, F. (1999) *The Child and Family Life under the Old Regime*. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural. University, 416 p.

5. Bestaeva, M. R. (2006) *Specificity of "mass consciousness" in modern conditions: specialty 09.00.11 "Social Philosophy"*. PhD Thesis. Perm, Perm State Pedagogical University, 150 p. <https://elibrary.ru/nnveyt>.

6. Hegel, G.V.F. (2000) *Phenomenology of Spirit*. Trans. from German by G. G. Shpet. Moscow, Nauka, 495 p.

7. Gehlen, A. (1988) *On the Systematics of Anthropology*, in A. Gehlen. *The Problem of Man in Western Philosophy: Collected translations from English, German, French*. Ed. YU. N. Popov. Moscow, Progress, pp. 152-202.

8. Zimina, I.S. (2010) Modern variant of initiatiy during old age teenagers. *Pedagogical Education in Russia*, no. 2, pp. 75-82. <https://elibrary.ru/msujaf>.

9. Ignatov, M. A. (2018) Network mentality and net-thinking in post-industrial culture. *Bulletin of MGUKI*, no. 5 (85), pp. 18-26. <https://elibrary.ru/yvfhz>.

10. Kant, I. (1966) *Answer to the question: What is Enlightenment?* In I. Kant. *Collected Works: in 6 volumes: Vol. 6*. Moscow, Mysl, pp. 25-35.

11. Kozhevnikova M. N. (2015) Ch. I. Formation of society and society of education. In *Horizons of the new sociality in education*. Ed. M. N. Kozhevnikova. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Academy of Arts, pp. 56-62.

12. Kozhevnikova M. N. (2021) Phenomenon of Self-deception and the Problem of Human Maturity. *Chelovek*, no. 4, pp. 132-148. <https://doi.org/10.31857/S023620070016691-7>. <https://elibrary.ru/qvmmmh>.

13. Kozhevnikova, M. N. (2022) Experience of being human: Towards understanding human education. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, 228 p.

14. Levinson, A. (2008) *Happy childhood*. Emergency reserve, no. 58, pp. 142–144.

15. Lishaev, S.A. (2016) *Childhood in the philosophy of age*. Bulletin of the Samara Humanitarian. 1, pp.73–83. <https://elibrary.ru/wvoyot>.

16. Mamardashvili, M.K. (1990) *How I understand philosophy* / M.K. Mamardashvili. Moscow, Progress, 368 p. <https://elibrary.ru/sswzkw>.

17. Nikolenko, O.F. (2007) *The idea of the value of a mature personality in European culture: PhD Thesis, specialty 09.00.13 "Philosophy and history of religion, philosophical anthropology, philosophy of culture"*. Rostov-on-Don, Southern Federal University, 154 p. EDN: NOXUXV.

18. Nietzsche, F. (1990) On the genealogy of morality. In F. Nietzsche. Works: in 2 volumes, Vol. 2. Moscow, Mysl, pp. 407-524.
19. Obukhova, L.F. (1996) Child (age) psychology. Moscow, Russian Pedagogical Agency, 372 p.
20. Ortega y Gasset, H. (1989) Revolt of the Masses. Issues of Philosophy, no. 3. pp. 119-123.
21. Plato. Laws. In Plato. Works, available at: https://www.phantastike.com/philosophy/sobranie_sochineniy/html/ (accessed 14.01.2025).
22. Pogorelchik, A.V. (2004) Man-mass: Social and philosophical portrait of the 20th century: PhD Thesis, specialty 09.00.11 "Social Philosophy". Voronezh, Voronezh State University, 143 p. <https://elibrary.ru/nmwrhd>.
23. Pushkarev, E.A. (2024) Political and legal trends in the development of the information society in the 21st century. Philosophy of Law, no. 2 (109), pp. 34-40. <https://elibrary.ru/nvaqjd>.
24. Sartre, J.P. (2000) Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. Trans. from French. Moscow, Republic, 639 p.
25. Stoyan, A. A. (2018) The Role of "Desire Machines" in the Society of the Mass Man. Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin, no. 1, pp. 61-67. <https://elibrary.ru/ywlwxn>.
26. Siu, P. (2004) Active Society and New Customs of the Time. In Keys to the 21st Century: collection of articles. Moscow, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, UNESCO Bureau, pp. 247-251.
27. Temnova, L.V., Tezina, E.I. (2018) Kidulting as a Social Phenomenon. Theory and Practice of Social Development, no. 12. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.4>. EDN: YQPCQP.
28. Frankl, V. (1990) Man's Search for Meaning. Moscow, Progress, 366 p. ISBN: 5-01-001606-0. <https://elibrary.ru/yqcmma>.
29. Fromm, E. (2009) Escape from Freedom. Moscow, AST, 284 p.
30. Fromm, E. (1998) The Soul of Man. Moscow, AST, 662 p.
31. Heidegger, M. (1997) Being and Time Trans. from German by V. V. Bibikhin. Moscow, Ad Marginem, 451 p. available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php (accessed 14.01.2025).
32. Hollis, J. (2009) Under the Shadow of Saturn. Male Psychic Trauma and Its Healing. Moscow, Kogito-Center, 183 p.
33. Tsongkhapa, J. (1997) The Great Guide to the Stages of the Path of Enlightenment, in 5 volumes. Volume 3: The Stage of Spiritual Development of the Higher Personality. St. Petersburg, Nart-hang, 342 p.
34. Scheler, M. (1999) Resentment in the Structure of Morals. St. Petersburg, Science, University Book, 230 p.
35. Eliade, M. (1999) Secret Societies. Rites of Initiation and Dedication. Moscow, University Book, 356 p.
36. Epstein, M.N. (2006) On the Philosophy of Age. The Fractality of Life and the Periodic Table of Ages. Bulletin of Siberian Medicine, no. 5, pp. 48-57. <https://elibrary.ru/rdwtiz>.
37. Erikson, E., Erikson, J. (2024) The Complete Cycle of Life. St. Petersburg, Piter, 159 p.
38. Jung, K. G. (1995) On the Formation of Personality: A Paper Delivered Under the Title "Die Stimme des Innern" at the Cultural Union (Vienna, November 1932). In Jung, K. G. Collected Works. Trans. from Germ. Moscow, Kanon, pp. 185-208.
39. Yarskaya-Smirnova, E., Karpova G., Vorona M. (2008) "Cheerful, uncomprehending and heartless"? About the phenomenon of Peter Pan. Emergency reserve, no. 6 (62).
40. Dewey, J. (1933) How we think: A restatement of the relation of reflective thinking to the educative process. Lexington, MA: D.C. Heath, 301 p.
41. Dziadkowicz, J. (2011) The Layered Structure of the World in N. Hartmann's Ontology and a Processual View. In Poli, R., and C. Scognamiglio and F. Tremblay (eds.) The Philosophy of Nicolai Hartmann, Berlin: De Gruyter. 2011. Pp.95-123. <https://doi.org/10.1515/9783110254181.95>.
42. Gnoli, C. and Poli, R. (2004) Levels of Reality and Levels of Representa-

tion. *Knowledge Organization*, 2004, 21(3), pp. 151–160.

43. Harriott, H.H. (2006) Old Age, Successful Ageing and the Problem of Significance. *Ethical Perspectives*, Vol.13, no. 1, pp. 117-141. <https://doi.org/10.2143/EP.13.1.2011789>.

44. Karabulatova, I., Barabash, O., Barabash, V., Vinogradova, N., Kulikov, S., Izbassarova, F. (2019). Homo Ludens in modern postmodern discourse: new possibilities of manipulation of public consciousness. *International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019, December)* Atlantis Press, pp. 54-57. <https://doi.org/10.2991/mplg-ia-19.2019.11>. <https://elibrary.ru/rlzvny>.

45. Kleineberg, M. (2016) From Linearity to Co-Evolution: On the Architecture

of Nicolai Hartmann's Levels of Reality. In Peterson, K., R. Poli, (eds.) *New Research on the Philosophy of Nicolai Hartmann*, 2016, Berlin: De Gruyter, pp. 81–108. <https://doi.org/10.1515/9783110434378-006>.

46. Larsen, Lasse Juel (2019). Play and gameful movies: the ludification of modern cinema. *Games and Culture* 14.5 (2019), pp. 455-477.

47. Morgan, W. J. (2018). Play, puerilism, and post-modernism. *Educational Philosophy and Theory*, 50(14), pp.1612–1613. <https://doi.org/10.1080/00131857.2018.1461405>.

48. Mouffe, Ch. Deliberative democracy or agonistic pluralism. *Social Research*, Vol. 66, No. 3 (FaU 1999), pp. 745-758. <https://elibrary.ru/hajnfp>.

For citing: Kozhevnikova, M. N. (2025)
The "adult human" paradigm.
Sotsium i vlast/Society and Power, 22 (1), pp. 46-65.
<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2025-1-46-65>.
<https://elibrary.ru/rgmzaw>.

SCIENTIFIC ARTICLE

HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.8

UDC 141.319.8

EDN RGMZAW

DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-46-65

THE "ADULT HUMAN" PARADIGM

Margarita N. Kozhevnikova,

St. Petersburg Academy
of Postgraduate Pedagogical Education
named after K.D. Ushinsky,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
St. Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9093-4936
SPIN 4358-8611
E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Abstract

Introduction. The article presents the results of the research aimed at developing a philosophical and anthropological concept that defines the ideal of "adult man" and has a paradigmatic character. The logic of the research includes the problematisation of the concept of "adult man" itself, clarifying its meaning and outlining the boundaries of its semantic field, while distinguishing between the problem of the anthropological modus of maturity, or "adult man", i.e. the mode of being and state of a person, which is opposed not to childhood, but to the modes of being and states of immaturity manifested in adults, and the problems of the philosophy and psychology of age. The analysis of the modus operandi of maturity and immaturity in the study relies mainly

on phenomenological and dialectical approaches, the first of which was applied to detect and analyse the phenomena of human existence significant for studying the problem and included, in particular, the descriptive and analysis of human everyday life and the socio-phenomenological method, and the second allows us to study the contradictory, mobile nature of man and the development of the state of "adult man".

Scientific novelty in the work is distinguished, first of all, by the bases of the research developed by the author: a complex anthropological concept, with the assertion of the "stratification" of human experience, capable of integrating the plurality of everyday life, and the philosophical concept of subjectivity, as well as the concept of anthropological modus of maturity and immaturity. As a result of the study, the modus of maturity is defined as the full identification of essential characteristics in each of the layers of human experience, as well as the ability to act in relation to the other/others (functioning in relation to the world), as a consequence of the development that realises the unfolding of human subjectivity.

Keywords:

layering of experience,
philosophy of subjectivity,
self-deception,
projection,
project,
life meanings,
responsibility

Article received: 06.01.2025

Reviews received: 28.02.2025

Accepted for publication: 10.03.2025

Copyright: © Kozhevnikova M. N. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-NC License 4.0.